

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040018

Аблаут, ударение, внутренняя деривация и закон правостороннего передвижения акцента в индоевропейских языках

© 2024 г. К. Г. Красухин

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1,
профессор филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1,
профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
Россия, 109651, Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
krasukh@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается подвижный характер индоевропейского ударения, его функция и роль в образовании имён. Ряд исследователей восстанавливает парадигмы атематических имён с различной подвижностью (акцентно-аблаутные парадигмы) и формулирует концепцию *внутренней деривации* — перехода имени из одного акцентного класса в другой. В статье обосновывается мысль о единстве акцентного типа атематических имён (единая аблаутно-акцентная парадигма) и формулируется основное правило деривации — закон правостороннего передвижения акцента.

Ключевые слова: акцент, аблаут, морфология, деривация, реконструкция.

Для цитирования: Красухин К.Г. Аблаут, ударение, внутренняя деривация и закон правостороннего передвижения акцента в индоевропейских языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 5–16. DOI: 10.31857/S1605788024040018

Ablaut, Stress, Internal Derivation and Law of Accent Shift on the Right in the Indo-European Languages

© 2024 Konstantin G. Krasukhin

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Build. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
Professor at the Philological Faculty
of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
Professor of the St. Tikhon's Orthodox University,
9 Build. 2 Ilovayskaya Str., Moscow, 109651, Russia
krasukh@mail.ru

Abstract. The article treats the mobility of Proto-Indo-European accent, its function and role in nominal derivation. Some researchers argue the existence of noun with several types of accent movement (accent-ablaut paradigms) and formulate the concept of *internal derivation* — i. e. the change of accent type of noun, transition in other class. Author means that there was one type of mobile accent in declension (unitary ablaut-accent-paradigm), and proposes a basic rule of derivation — the law of accent movement onto right: the position of accent is more right, the meaning of noun is more concrete.

Key words: accent, ablaut, morphology, derivation, reconstruction.

For citation: Krasukhin, K.G. *Ablaut, udarenie, vnutrennyaya derivaciya i zakon pravostoronnego peredvizheniya akcenta v indoevropskikh yazykah* [Ablaut, Stress, Internal Derivation and Law of Accent Shift on the Right in the Indo-European Languages]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 5–16. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040018

0. Одной из важнейших и актуальных тем индоевропейского языкознания является взаимоотношение акцентуации, апофонии и морфологии. Эта связь была осознана в результате нескольких выдающихся открытий. Фердинанд де Соссюр в 1878 г. [1], опираясь на индийские грамматики, показал связь аблаута (количественного и качественного) с морфологией слова: различным грамматическим формам свойствен определённый вокализм и место ударения. Николас ван Вейк [2] установил большую близость номинатива и генитива: в частности, номинатив тематического имени может быть идентичен генитиву тематического: греч. *θήρ*, род. п. *θήρος* ‘зверь’ — лат. *ferus* ‘дикий’; в генитиве атематических имён ударение падало на окончание. Тематическое и атематическое имя находились между собой в определённых отношениях: второе обозначало предмет, подобный денотату первого, его свойство. Ср. также [3]. Хольгер Педерсен [4]–[5] предположил, что ряд корневых имён может иметь неподвижную акцентуацию. Эмиль Бенвенист в 1935 г. [6] установил связь акцентуации со значением в древнегреческих тематических именах (тип *τόμος*–*τομός*) и сходное явление в древнеиндийском, а в 1948 г. [7] показал различие имён деятелей с безударным суффиксом **-tor-* и ударным **-tér-*. Френсис Кёйпер [8] проанализировал древнеиндийское склонение на *-i/-u-* и показал, что передвижение акцента здесь отличается от корневых имён. Начиная с 1967 г., Йохим Шиндлер, Хайнар Айхнер и другие начинают публиковать цикл работ по проблемам акцентуации имён [9]–[12]. Они первоначально выступали в семинаре Карла Хоффмана в Эрлангене, отчего это направление и получило название Эрлангенской школы.

Согласно ей, в праиндоевропейском существовали следующие типы акцентуации имён (впоследствии названные *акцентно-аблаутными парадигмами*): 1. Акростатические имена с неподвижным ударением и аблаутом в склонении. Сначала Шиндлер описал имена *o* (номинатив/аккузатив) / *e* (остальные падежи), затем — *ē/e* (продлённая ступень в номинативе и аккузативе, полная — в остальных). 2. Протеродинамические имена (передвижение акцента с корня в номинативе, аккузативе, локативе на суффикс

в генитиве, дативе, инструментале, аблативе¹). 3. Гистеродинамические имена (передвижение акцента с суффикса на флексию в тех же падежах). 4. Голокинетические имена (передвижение акцента с корня на суффикс)². Отметим, что для атематического спряжения тоже предлагаются две парадигмы, различающиеся аблаутом и акцентом: подвижная и неподвижная. В этой второй, которая именуется «протеродинамической» [13], также «акродинамической» и «акростатической», ударение неподвижно, «сильные» формы (ед. ч. активного залога) имеют продлённую ступень корня, «слабые» — полную. Образцовым считается др.-инд. *tāṣṭi* ‘строить, создавать’ (**tētk-ti*) — 3 мн.ч. *tákṣati* (*tētk-ṇti*); в Ригведе зафиксирована только последняя форма.

1. Эрлангенская реконструкция довольно прочно вошла в представление индоевропеистов. Большинство имеющихся учебников приводят её как твёрдо установленный факт [14]–[19]. Однако ряд реконструкций вызывает серьёзное сомнение. Так, ни одной законченной акростатической парадигмы не засвидетельствовано, и они реконструируются на основе косвенных показателей. Имена с аблаутом *ē/e* восстанавливаются на основании имён на долгий гласный (лат. *rēx*, *rēgis*, др.-ирл. *rí*, *ríg*, др.-инд. *rāṭ*, *rājáh*). Как видим, долгота корня у таких имён распространилась на всю парадигму, и исключений из этого правила нет³. Обоснованием существования акростатических имён с аблаутом *o/e* служит имя **dom/ dems*: греч. именительный и винительный *δῶν*, др.-инд. *dám* — форма **dems* представлена в притяжательных композитах и конструкциях: *δεσπότης* ‘хозяин’ < *δεμσ-ποτ-*, вед. *dámpati/ páti dán* (I 120, 6), *pátir dán* (I 149, 1), авест. *dəng patoiš* ‘владелец дома, глава’. Однако в качестве первого элемента такого

¹ По традиции баритонные падежи именуются *сильными*, окситонные — *слабыми*.

² Некоторые лингвисты также выделяют классы *мезостатических* имён (с неподвижным ударением на середине слова) и *телевостатических* (с ударением на конечном слоге основы) [17]. Но аблаут и ударение в этих именах ничем не отличается от иных имён с неподвижным ударением.

³ За исключением случаев, описанных законом Штрайтберга и законом Семереньи, где вторичность долготы самоочевидна.

композиата может выступать и основа со ступенью *o* или *0*: крито-микенское *dopota* (PY Tn 316) ‘владыке’ (**doms-/dms-potā-*). Аналогично — лит. *višpats* ‘хозяин’ содержит первый элемент **ueik-*, считающийся акростатическим генитивом от **uoik-* ‘дом, владение’. Но в древнепрussком засвидетельствована словоформа *waispattin* ‘госпожу’, вин. п. (III 69, 5; III 95, 20), где первый элемент композиата содержит ступень *o*, в др.-инд. *viśpāti* ‘хозяин, господин’ — нулевую. Это говорит о том, что ступень корневого вокализма здесь не обязательна: в этимологически тождественных именах появляются разные ступени. Следовательно, ни одна из них не может быть характеристикой грамматической формы. В приведённых композиатах и конструкциях присутствуют, очевидно, не собственно генитивы, а атрибуты (подобные русск. *зелень-трава*). Некоторые из них и стали употребляться в генитивной функции; часть их, находясь под ударением, по закону позднеиндоевропейской акцентуации получила ступень *e*, тогда как формы в позиции определяемого (безударной) сформировали ступень *o*. Этот акцентологический процесс привёл к различению греч. *δοτήρ* и *δότης* ‘даритель’, *ἀνὴρ* ‘муж, мужчина’ — *εὐήνωρ* ‘мужественный, подобающий мужам, изобилующий храбростями’; *πατήρ* ‘отец’ — *εὐπάτωρ* ‘имеющий благородного отца’. В позднеиндоевропейском языковом состоянии с ослабленным ударением безударный гласный в любой позиции не выпадал, а только видоизменял своё звучание: **e* > **o*. В этот период, вероятно, и сформировались вышеуказанные атрибуты. Атрибутивный характер таких форм показал анализ ведического имени *viś* ‘птица’. В нём имеются два номинатива: *viś* (с *0* ступенью корня) и *véś* (с полной), а также генитив *véś*. Номинатив *véś* употребляется только в сравнениях (*vér ná* ‘словно птица’), что свидетельствует о его атрибутивном происхождении [20, с. 100–102].

1.1. К выводу о вторичности «акростатических» генитивов пришёл и Йенс Эльмгард Расмуссен [21]. Он отметил, что сочетание **-VRs* (где *-V* — любой гласный, а *R* — сонорный) переходило в раннем индоевропейском языковом состоянии в *VR* (отпадение *-s#* с заменительным удлинением): **ph₁ter-s* > **pātēr* (это и есть закон Семереньи, упомянутый в прим. 1; закон Штрайтберга предполагает удлинение и перед шумными согласными: и.-е. **pod-s* ‘нога’ — др.-инд. *pāt*, др.-исл. *fotr*). Напротив, окончания слились с глагольными основами в более позднюю эпоху, поэтому флексия 2 л. ед. ч. не отпала (лат. *fers* ‘ты не сёшь’). Её сохранению, конечно, способствовала

и морфологическая прозрачность глагольной формы с чётким разделением основы и флексии.

2. К протеродинамическому склонению в основном относятся имена на *-i-*, *-u-*. В них ударение не выходило за пределы основы, поэтому падежи различаются благодаря ступени вокализма в суффиксе: номинатив **-i-*, **-u-*, генитив **-ei-*, **-ou-*. Ср. др.-инд. *agnīh* — *agnéh*, лит. *ugnis* — *ugniēs*, ст.-слав. *гость* — *гостѹ*, гот. *gasts* — *gastis*, лат. *hostis* — *hostis*; др.-инд. *sunūh* — *sunóh*, лит. *sunūs* — *sunaūs*, гот. *sunus* — *sunaus*, ст.-слав. *сынъ* — *сыноу*, *домъ* — *домоу*, лат. *domus* — *domūs*. В засвидетельствованных языках у таких имён неподвижное ударение; у имён на *-u-* по большей части окситонеза, у имён на *-i-* — разнообразие. Также вокализм корня у них един в именительном и родительном падежах. Кёйпер [6, с. 31] восстанавливал протеродинамическое склонение с подвижным акцентом и соответствующим аблаутом: им. п. **séyinus* — род. п. **sunéus*. В засвидетельствованных языках и основа, и место ударения унифицировались.

2.1. Этот тип склонения стал преобладающим в большинстве индоевропейских имён на *-i-*, *-u-*. Только в хеттском и ведическом санскрите сохранились подобные имена с иной, так называемой открытой флексией (*-is/-ies*, *-us/-uos*): вед. *áviḥ* — *ávyaḥ* ‘овца’ (при позднейшем *aveh*), хетт. *halkis* (общ. род) — *halkiias* ‘зерно’, *GIŠ-ru* (ср. род = *taru*) ‘дерево’ — *GIŠ-ruuas* [22, S. 253]. При сравнении таких имён с протеродинамическими бросается в глаза следующее: имена с «открытой» флексией имеют тенденцию быть существительными, обозначать абстрактные понятия, тогда как протеродинамические имена обозначают конкретные сущности; все прилагательные склоняются только по этому склонению. Ср. хетт. *assu* ‘добро’ (субстантивированное прилагательное ср. р.) — род. п. *assuwas*; *assus* ‘хороший’ — род. п. *assawas*. От ведического *vásu* ‘хороший’ (возможно, родственного хеттскому) образовано 8 генитивов *vásoh* со значением прилагательного, 41 *vásvah*, из которых 36 образовано от существительного «добро, благо». Всё это наводит на мысль о том, что протеродинамические имена сами производны. Имена **(u)és-u-/*(u)ós-u* (род. п. **(u)e/os-ū-os*) ‘добро’ и **(u)e/os-u-* (род. п. **(ue/os-éu-s)* ‘хороший’ соотносятся друг с другом так же, как *rúc* ‘свет’ — *rocáh* ‘светлый’, *yúdh* ‘битва’ — *yodháh* ‘воин’. Функционально *0* ступень суффикса протеродинамических имён соответствует баритонезе корневых имён, а полная ступень — окситонезе. И образовались они с помощью одного и того же процесса: передвижения ударения направо. Можно предполагать наличие оппозиции первичного

* $(\mu)\acute{e}/\acute{o}su-$ и производного (со значением свойства, принадлежности, сходства) * $(\mu)_{e/o}séu-$. Такое имя изменилось отчасти в прилагательное (с вторичной 0 ступенью суффикса в «сильных» падежах), отчасти в имя принадлежности с суффиксом *-eu-: греч. $\chi\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ ‘черепаха’ — $\chi\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\upsilon\varsigma$ $\kappa\acute{\iota}\theta\alpha\rho\iota\varsigma$ (Hes.; «сделанное из черепашьяго панциря»); авест. $b\bar{a}zuš$ ‘рука’ — $d\bar{a}r\bar{a}ga-b\bar{a}zuš$ ‘длиннорукий’, др.-инд. $d\bar{a}syu$ ‘враг’ — др.-перс. $dahyauš$ ‘страна’ (видимо, вначале «чужая страна») [23]⁴.

Взаимоотношение «протеро-» и «гистеродинамических имён» наглядно видно на примере корней **deru-* ‘дерево’ и **ḡenu-* ‘колено’. Оба производны (**der-* ‘рвать’, **ḡenh₁-* ‘рождать(ся), становиться выпуклым’), оба демонстрируют разные типы флексии и различные производные основы: **dóru* > хетт. *taru*, вед. *dāru* ‘дерево’, греч. $\delta\acute{o}\rho\upsilon$ ‘балка; копье’ → **dorúos* > гомеровский генитив $\delta\omicron\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$, хеттский *taru₁as*; **deru-* > о.-слав. **dervo*; **doru-* — о.-слав. **sъ-dorvъ* ‘здоровый’ → **dréu-* > вед. генитив *droh*, греч. $\delta\rho\epsilon\upsilon\varsigma$ ‘дерево; дуб’ (< **dreuj* [24, S. 61]), гот. *triu* ‘дерево’ → **druúos* > греч. генитив $\delta\rho\upsilon\acute{o}\varsigma$; ведический (с ретракцией акцента) *drúṇah*; о.-слав. *drъvā* (собирательное имя) → **dreuó-/drou-* > греч. $\delta\rho\acute{o}\nu$; $\iota\sigma\chi\upsilon\rho\acute{o}\nu$ Ἀργεῖοι (Hes.) ‘сильное’, гот. *triggws*, нем. *treu* ‘верный, надёжный’⁵ → **dréu-o*; **dréu-o-* > др.-инд. *dróṇah* ‘сосуд из дерева; корыто’ (ср. [29]). Атематическая форма **dru-* представлена в композитах: *dru-ghanáh* ‘деревянная дубина’, *dru-padám* ‘деревянный столб’, *dru-śad*, *dru-śadvan* ‘сидящий на дереве’; греч. $\delta\rho\upsilon\text{-}\tau\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ (микен. *durutomo*) ‘дровосек’.

Корень **ḡenu-* не так богат дериватами. От него образованы лат. *genu*, хетт. *genu* / **ḡónu* > вед. *jānu*, греч. $\gamma\acute{o}\nu\upsilon$ → **genúos* / *gonúos* > хетт. генитив *genu₁as*, гомер. $\gamma\omicron\upsilon\nu\acute{o}\varsigma$, также $\gamma\omicron\upsilon\nu\acute{o}\varsigma$ ‘холм’ → **ḡnéus* > вед. мн. ч. *mitájñavanah* ‘длящиеся’ (дословно ‘с несоединёнными коленями’), гот. *kniu*.

2.1.1. Следует отметить, что в истории отдельных индоевропейских языков «закрытая» флексия вытесняет «открытую»: в итальянских, германских, балтийских и славянских языках следов последней нет. В классическом санскрите она тоже практически исчезла. В древнегреческом можно видеть

следы вытеснения «закрытой» флексией открытой: $\acute{\alpha}\sigma\tau\upsilon$ ‘город’ — род. п. $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\omega\varsigma$ — производное $\acute{\alpha}\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ ‘горожанин’. В ведическом санскрите преобладает «закрытая» флексия. Однокоренное греческому имя *vāstu* образует в Ригведе генитив *vāstoh* и производное *nāva-vāstvah* — имя мифологического персонажа, дословно ‘имеющий 9 домов’. Также засвидетельствован генитив *svāstvah* (имя реки), дословно означающий ‘хорошо расположенный’. Для ведического склонения можно сформулировать правило: если имя допускает оба типа, «открытые» формы преобладают. Выше приводились формы генитива от *vāsu*. От имени *mādhu* ‘сладкий; мёд; жидкость’ зафиксировано свыше 70 генитивов *mādhvah* и 14 *mādhoh*; однокоренное греч. $\mu\acute{\epsilon}\theta\upsilon$ склоняется с «открытой» флексией. От имени *paśú* ‘скот’ образуется только генитив *paśváh*, 3 датива *paśvé* — 1 *paśáve*; *krátuh* ‘сила’ — 2 *krátvah*, 1 *krátoh*; 8 дативов *krátve* — 1 *krátave*. Это особенно существенно, если учесть, что баритонное существительное с абстрактным значением *krátuh* коррелирует с окситонным прилагательным **krtús* / **krotús* ‘сильный’: греч. $\kappa\rho\alpha\tau\acute{\upsilon}\varsigma$, гот. *hardus*⁶.

2.1.2. Имена действия на -tu- в древнегреческом языке склоняются почти исключительно с «открытой» флексией: $\acute{\pi}\acute{\iota}\tau\upsilon\varsigma$, $\upsilon\omicron\varsigma$ ‘сосна’ (корень в лат. *pinus*), $\acute{\iota}\tau\upsilon\varsigma$ ‘окружность’ (**ḡei-* ‘вращать(ся)’), а также значительная группа имён, непосредственно связанная с глаголом и другими именами деятеля и действия на -t-: $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\eta\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘красноречие’ ($\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ ‘беседовать’), $\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\acute{\iota}\omicron\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘копьеметание’ (= $\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma$; $\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\acute{\iota}\zeta\omega$ ‘метать копье’), $\acute{\alpha}\lambda\alpha\omega\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘лишение зрения’ ($\acute{\alpha}\lambda\alpha\acute{o}\omega$ ‘ослеплять’), $\beta\omicron\eta\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘крик’ ($\beta\omicron\acute{\alpha}\omega$ ‘кричать’), $\beta\rho\omega\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘пища’ ($\beta\iota\beta\rho\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$ ‘есть, поглощать’), $\gamma\rho\alpha\pi\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘царапина’ ($\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$ ‘писать’, изначально ‘царапать’), $\delta\alpha\iota\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘факел’ ($\delta\alpha\acute{\iota}\omega$ ‘жечь’), $\acute{\epsilon}\delta\eta\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘еда’ ($\acute{\epsilon}\delta\omicron\mu\alpha\iota$ ‘есть’), $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\eta\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘жалость’ ($\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\acute{\epsilon}\omega$ ‘оплакивать, сожалеть’), $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘общительность’, $\kappa\acute{\iota}\theta\alpha\rho\iota\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘искусство игры на кифаре’ ($\kappa\acute{\iota}\theta\alpha\rho\acute{\iota}\zeta\omega$), $\kappa\lambda\acute{\iota}\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘склон, скат’ ($\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\omega$ ‘склонять’), $\mu\eta\sigma\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘сватовство’ ($\mu\eta\acute{\alpha}\omicron\mu\alpha\iota$ ‘добиваться; свататься’), $\acute{\omicron}\alpha\rho\iota\sigma\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘разговор, беседа’ ($\acute{\omicron}\alpha\rho\acute{\iota}\zeta\omega$ ‘общаться’), $\acute{\omicron}\rho\chi\epsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘танец’ ($\acute{\omicron}\rho\chi\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha\iota$ ‘танцевать’), $\acute{\alpha}\tau\rho\upsilon\nu\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘приказ’ ($\acute{\omicron}\tau\rho\acute{\upsilon}\nu\omega$ ‘волочить; принуждать; велеть’), $\rho\upsilon\sigma\tau\alpha\chi\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘обида’ ($\rho\upsilon\sigma\tau\alpha\chi\acute{\omega}$ ‘тащить, дёргать’), $\tau\alpha\nu\upsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘натягивание’ ($\tau\alpha\nu\acute{\upsilon}\omega$ ‘тянуть’).

⁴ К развитию значения см. русск. *сторона* — *сторонний*; *страна* — *странный*.

⁵ Готское -gg- перед w возникает в результате действия закона Хольцмана: между гласным и сонорным j, w шумные согласные иногда удваиваются. Причины действия этого закона спорны. Некоторые исследователи полагали, что закон Хольцмана действует в заударном слоге [25, S. 75], другие — в предударном, третьи — перед ларингалом. См.: [26, с. 82]; [27, р. 34–46]; СГГЯ [28, с. 64]. Сопоставление гот. *triggws* с греч. $\delta\rho\acute{o}\varsigma$ свидетельствует в пользу второй теории.

⁶ В этой связи отметим, что в древнегреческом абстрактное существительное образовано с помощью сигматической основы: $\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$. В лесбийском диалекте засвидетельствовано $\kappa\rho\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$, также в аркадо-кипрском есть имена Τιμοκρέτης , Σωκρέτης [31, р. 45], сохраняющие исконный вокализм. В др.-инд. *krátuh* тоже представлена полная ступень. Таким образом, можно восстанавливать оппозицию: **krétos* (ср. p.) / *krétus* (м. p.) ‘сила’ : *krtús* / *kortús* ‘сильный’.

Конечно, большинство этих имён не могут считаться древними. Они образованы от вторичных, презентных, производных глагольных основ [30, p. 292]. Но они сохраняют аблаут первичных имён на **-tu-*, представленный в *πίτυς* и *ῑτύς*. Исключением из правила является упомянутое *ἄστυ*, связь которого с гомеровским аористом *ἄεσα* ‘пробыть, провести время; переночевать’ для носителя древнегреческого языка была давно утеряна.

Иная картина в древнеиндийском, где имена на *-tu-* склоняются с «закрытой» флексией в Ригведе: *yātú* ‘волшебство’ — мн. ч. *yātávah* (здесь — ‘демоны’), *gantú* ‘путь’ — род. п. *gantóh*, *jantú* ‘рождение’ — *jantóh*, *tridhātu* ‘состоящий из трёх частей, несущий тройное добро’ — мн. ч. *tridhātavah*, *ṛtúh* ‘время’ — мн. ч. *ṛtávah*, *hetúh* ‘причина’ — *hetóh*, *svaítu* (*sva-éu*) ‘самостоятельно идущий’ — мн. ч. *svaítavah*, *mántuh* ‘совет’ — мн. ч. *mántavah*, *aktúh* ‘мазь; свет, блеск; ночь’ — *aktóh*, *tántuh* ‘нить’ — *tántavah*. Имена с полной ступенью корневого вокализма, как видим, тоже перешли в протеродинамическое склонение. Иная флексия представлена в *pitúh* ‘питьё’ — генитив и аблатив *pitváh*. Отметим также наречие *kṛtvah* ‘раз’, генитив от незасвидетельствованного **kṛtu* (ср. *sakṛt* ‘однажды’). Таким образом, мы можем подытожить: «протеродинамические» имена были изначально адъективами, обозначали производность, признак, свойство, противопоставлялись именам с «открытой» флексией как одушевлённые неодушевлённым. В большинстве индоевропейских языков этот тип стал преобладающим для имён на *-i-* и *-u-*. В древнегреческом и древнеиндийском можно наблюдать процесс вытеснения.

2.1.3. Отметим и чисто фонетическое объяснение оппозиции между «открытой» и «закрытой» флексиями, предложенное Освальдом Семереньи и Робертом Фальком [32]; [33]. По мнению Семереньи, первая характеризовала так называемые лёгкие основы, т.е., содержащие в своём ауслaute только сонорный/ гласный *-i-/u-*, а вторая — «тяжёлые» основы, в которых этому звуку предшествовал согласный. Фальк вслед за Карлом Боргстрёмом [34] полагает, что в раннем индоевропейском языковом состоянии (PIE) гласные звуки были только призвуком согласных фонем; фонологическую самостоятельность они приобрели по мере развития количественного аблаута, связанного с редукцией безударных гласных. В достаточно длинных PIE словах наличествовало и основное, и дополнительное ударение. С ними связано падение безударных, причём синкопировались только истинно безударные, а гласные с дополнительным ударением сохранялись (так

называемая *iterative syncope*). Таким образом, PIE прототип для и.-е. **óvis* (*h₂évis*) должен выглядеть как **Háwayās*, **mṛtís* — **mánatáyās*. В родительном падеже основное и дополнительное ударение меняются местами: **Háwayās*, **mánatáyās*. Дальнейшие процессы редукции привели к формам генитива **hoviós*, **mṛtéi-s*. Фальк связывает со своей моделью колебания в акцентуации и аблауте различных падежных форм: им. п. мн. ч. *dyávas* ‘небеса; дни’ — *divas* ‘небеса’, вин. п. мн. ч. *íṣah* — *íṣáh* (*íṣ* ‘питьё, сок’). Против реконструкции Фалька свидетельствуют отношения деривации между именами с «открытой» и «закрытой» флексией типа рассмотренного выше **krétus* и **kṛtús*. Однако идея разного типа ударения в «сильных» и «слабых» формах склонения вполне обоснована.

2.2. Что касается гистеродинамических и голокинетических имён, то их акцент и аблаут по сути ничем не отличался от корневых имён. Ср. греч. *πατήρ* — *πατρός*, *μήτηρ* — *μητρός* и другие имена родства на *-τερ-*, с аблаутом, аналогичным хетт. *ais* — *issas* ‘рот’. Голокинетические имена вообще могут считаться синонимом корневых. Правда, иногда к ним относят и суффиксальные, в которых ударение переходит с корня на флексию, минуя суффикс. Их также именуют «амфидинамическими». К таковым, по мнению П. Видмера, относятся имена типа греч. *ἐχών*, *ἐχόντος* ‘желающий, охотный’ = вед. *usān*, *usátāh* = авест. *vasō* [35, S. 136]. Видмер считает, что это характерно именно для причастий акростатических глаголов (корень **uek-* образует презенсы: хетт. *uekzi*, *uekkanzi*, вед. *vāṣti*, *vāśanti* ‘хотеть, стремиться’). Однако древнеиндийское имя склоняется скорее как обычное причастие, т.е., в терминах Эрлангенской школы, как гистеродинамическое имя. Для греческих причастий характерен унифицированный вокализм корня. Отметим, что «акростатические» глаголы вполне реальны (в отличие от имён), однако это парадигма явно вторична [36, с. 375–400]; [37].

3. Р.С.П. Бекес предложил свой вариант реконструкции акцентно-аблаутных парадигм [17], ср. также [38]. По его мнению, существует апофония следующего вида: номинатив *KéK-K-s* — аккузатив *KKéK-m* — генитив *KK(K)ós*. К. Трембле [39] предложил восстановить для имён с суффиксом *-ōs* и *-tór* особый аблаут: номинатив *Kek-ós*, *Kek-tór* — генитив *Kék-s-s*, *Kék-tr-*. Рассмотрим подробнее эти реконструкции. Исконная форма номинатива *CéC-R* (1) переходит в *CéC-ōR* (2), затем в *C(e)C-ōR* (3), затем в *CC-ér* (4). Соответственно, генитив всюду имеет вид *CC-R-ós* (в подтипе 3 — *C(e)C-R-ós*), аккузатив — *CCéR-m* (в подтипе 3 — *C(e)C-oR-m*). Подтип 1 соответствует гот.

bandi ‘связка’, 2 — и.-е. *dhégh-om* ‘земля’, 3 — греч. *δότηρ* ‘даритель’, 4 — и.-е. **ph₂-tér* ‘отец’. С помощью такой метатезы Бекес объясняет колебания **gh₁éi-om* (авест. *ziia* ‘зима’) — **gh₁iōn* (греч. *χιών* ‘снег’, лат. *hiems* ‘зима’), упоминавшееся **uek-ont-* (греч. *ἐκόν*) — **uk-ont-*, род. п. **uk-nt-ós* (др.-инд. *uśán*, *uśatáh*). Так же объясняется разница хетт. *tekan* (**d^hégh₁om*; в действительности **d^hégh₁-m*) — греч. *χθών* (**d^hgh₁om*). От этих типов резко отличается статическое спряжение, которое может характеризовать не только корневые, но и суффиксальные имена. Так Бекес объясняет своеобразный генитив древнеиндийских имён на *-tar-*: *patúr* ‘отца’, *mātúr* ‘матери’ (*-tur* < **-t₁rs*): им. п. **méh₂-tr(-s)* — род. п. **méh₂-t₁rs*. Однако в действительности надо учитывать, что большинство производных имён относится к периоду позднего индоевропейского языкового состояния, когда акцент ослабел, а полностью сформировавшийся аблаут имел сугубо морфосемантическое значение. Поэтому стали возможны словоформы с полными степенями и корня, и суффикса: упомянутые греческие *δότηρ* в противопоставлении *δοτήρ*. Как показал в блестящем исследовании Э. Бенвенист [7], первое имя, означало «даритель, податель», второе — скорее «снабженец». Баритонные имена с суффиксом **-tor-* указывали на деятеля общего и постоянного, а окситонные, с **-tér-* — на конкретного и сиюминутного деятеля, а также на орудие. Имя же **gh₁éi-om-* (если авестийское имя восходит к такому архетипу) означает время года, а **gh₁i-óm-* — осадок, т.е. сущность, которая представлялась менее одушевлённой. Так же противостоят производные от этого же корня *χεῖμων* ‘зима’ и *χεῖμα* ‘буря’.

3.1. К. Боргстрём [34] отмечал, что корневые имена с корнем структуры ССС имеют основу СС^с/С- (состояние II по Бенвенисту). Ср. др.-инд. *tvác* ‘шкура’, греч. *πρόξ* ‘олень’, *χιών* ‘снег’, лат. *hiems* ‘зима; буря’. Конечно, правило это отнюдь не абсолютно, ср. греч. *σκόψι ψορά* ‘парша, кожная болезнь’, *δόρξ* ‘газель’, а также аккумулятив *ὄλχα* (< *φολχα*, II. XIII 707; Od. XVIII 375) ‘борозду’. Но тенденция существует, и её можно было бы объяснить с позиции Лейденской школы. Однако ряд пунктов вызывает возражение. Прежде всего, ни в одном языке не сохранилось и следов парадигмы, где бы аккумулятив акцентом и аблаутом отличался от номинатива. Примеры, приводимые Бекесом, могут иметь и иное объяснение. Так, *tekan* — имя среднего рода, тогда как *χθών* и *κῆām* — женского⁷. Следовательно, перед нами именно то,

что именуется внутренней деривацией, вполне сопоставимое с лат. *sēmen* < **seh₁-m₁* ‘зерно’ — *Semō* (*ōnis*) < **seh₁-mon-s* ‘бог посевов’. Как справедливо отмечал П. Видмер [35, S. 35], одно из грамматических значений внутренней деривации — образование имён одушевлённого рода. Баритонные имена типа *δότηρ*, как уже говорилось, — результат относительно позднего развития, когда разные аблаутные варианты суффиксов приобрели разное значение. Эволюция основы **d^hégh₁m₁* → **d^hgh₁óm* (*-oms*) показывает механизм внутренней деривации: правосторонний акцентный сдвиг⁸.

3.2. К. Трембле [39] попытался объяснить своеобразные генитивы имён на дрожание в индоиранских языках: *pitár* — *pitúr* < **pə-t₁-s*, *mātár* — *mātúr*, авест. *nar* — гат. *nārəš*, м.-авест. *narš* < *n₁rs*. При этом надо учесть, что акцентуация имени **meh₂-tēr* не единообразна. В греческом (*μήτηρ*) и литовском (*mótė* ‘жена; мать’, *móteris*, *mótina* ‘мать’, — все I а. п.) оно бесспорно баритонно, тогда как др.-инд. *mātár* демонстрирует окситонезу. Др.-в. нем. *muoter*, др.-англ. *moðor*, др.-исл. *modir* по закону Вернера тоже указывают на суффиксальное ударение (прагерм. **mōder* < **mātér-*). Понимая эти сложности, К. Трембле и предложил свой вариант реконструкции с рецессией акцента в слабых падежах: им. п. **meh₂-tér* (*-tér-s*) — род. п. **méh₂-t₁-s*. Не вполне понятна апофония такого имени (в реконструкции Трембле): полная степень корня и суффикса в сильных падежах. Различная акцентология и.-е. **mā-ter-*, очевидно, связана с тем, что другие имена родства на **-ter* были окситонны: **ph₂-tér* ‘отец’, **d^hugh₂-tér* ‘дочь’ (ср., правда **b^hréh₂-ter* ‘брат, соплеменник’ и **sue-sor* ‘сестра’). Есть предположение, что имя «мать» приобрело окситонезу по аналогии с именами «отец» и «дочь», обозначавшими несимметричные семейные отношения. Имена же симметричных отношений сохранили баритонезу [18]. Более сложен вопрос об индоиранском генитиве *-tur* < **-t₁rs*, не засвидетельствованном в других языках. По-видимому, он развился вначале у имён, которые дольше всего сохраняли подвижность ударения, т.е. имён родства, у которых ударение стояло на корне. В таких условиях главным способом выражения генитива была 0 степень вокализма в суффиксе. Генитив с 0 степенью флексии, возможно, возник по аналогии с протеродинамическими именами

с передвижением акцента в «слабых» падежах (род. п. *zimo*), почти пофонемно совпадающая и с греч. *χιών*, и с лат. *hiems*.

⁸ Готское *bandi* вообще не относится к именам с подвижным акцентом. Это стандартное имя с основой на *-jō-* (и.-е. **-jā-*), в склонении которого нет аблаута.

⁹ Грассман рассматривает эти формы как ритмические варианты.

⁷ Попутно отметим, что авестийское *ziia* (чаще *zuā*) не даёт основания для реконструкции дифтонга в корне. Это обычная именная основа с 0 степенью корня и полной суффикса,

Таблица 1. Соответствие латинского и индоиранского склонения

Имена с неподвижным акцентом						
Латинское	Ведическое	Ведическое	Латинское	Ведическое	Авестийское	
N. <i>rēs</i> ‘дело’	(<i>raī</i>) ‘богатство’	<i>gáuh</i> ‘корова’	<i>bos</i>	<i>nár</i> ‘муж’	<i>gauš</i>	—
G. <i>rei</i>	<i>rāyáh, ráyah</i> (гапакс)	<i>gávaḥ, góḥ</i>	<i>bovis</i>	(<i>náraḥ</i>)	<i>gauš</i>	<i>nəraš, narš</i>
D. <i>rei</i>	<i>rāyé < rēiei</i>	<i>gáve</i>	<i>bovi</i>	<i>náre</i>	<i>gave</i>	—
Acc. <i>rem</i> < * <i>rē(i)m</i>	<i>rām</i> < * <i>rēim</i>	<i>gám</i> < * <i>gōu-m</i>	<i>bovem</i>	<i>náram</i>	<i>gam</i>	—
Abl. <i>rē</i>	<i>rāyáh</i>	<i>gávaḥ, góḥ</i>	<i>bove</i>	<i>náraḥ</i>	<i>gaot</i>	<i>nəraṭ</i>

Примечания к таблице.

1. Лат. *rēs*, сформировавшее V склонение, подверглось влиянию I и II склонений, поэтому у него сформировался генитив *rei* (вместо ожидаемого **rēis*). В этом сыграл роль и аккузатив *rem*, как и вед. *rām*, закономерно развившийся из **rēim* (падение второго элемента долгого дифтонга перед сонорным; см.: [40, p. 40–44], после чего долгий гласный сократился в латинском перед конечным *-m*).
2. Склонение лат. *bos* видоизменилось под влиянием консонантного III склонения, когда вместо закономерного **bot* появилась форма *bovem*. Архаизмы сохранились в итальянских языках (см. ниже).
3. Генитив *nəraš*, как отмечалось выше, — староавестийский рефлекс индоиранского **n̥rs*, *narš* — младоавестийский [41].

Таблица 2. Варианты акцентуации имён в Ригведе

Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.
N. <i>śvā</i> ‘собака’	—	—	<i>náras</i>	<i>gáuh</i>	<i>gávaḥ</i>	<i>dyáuh</i>	<i>dívaḥ</i> (1) <i>dyávaḥ</i> (22)	—	—
A. <i>śvánam</i>	<i>śúnaḥ</i>	<i>náram</i>	<i>n̥n</i>	<i>gám</i>	<i>gáḥ</i> (107) <i>gávaḥ</i> (2)	<i>dyám</i> (67), <i>dívam</i> (21)	<i>dívaḥ</i> (2), <i>diváh</i> (2), <i>dyún</i> (25)	<i>rám</i>	<i>ráyah</i> (2)/ <i>rāyáh</i> (103)/ <i>rāḥ</i> (1)
I. —	—	—	<i>n̥bhīḥ</i>	<i>gávā</i>	<i>góbhiḥ</i>	<i>divá</i>	—	<i>rāyá</i>	—
D. —	—	<i>náre</i>	<i>n̥bhyaḥ</i>	<i>gáve</i>	<i>góbhyaḥ</i>	<i>dive</i>	—	<i>rāyé</i>	—
G. —	—	—	<i>narām</i> / (<i>narām</i> ; 17) <i>n̥nām</i> (<i>n̥nām</i> ; 15)	<i>góḥ</i> (35)/ <i>gávaḥ</i> (3) ⁹	<i>gávām</i> (<i>gávaam</i>) (52) <i>gónām</i> (20)	<i>diváh</i> (сотни ¹⁰) <i>dyóḥ</i> (4)	—	<i>rāyáh</i> (100) <i>ráyah</i> (2)	<i>rāyám</i>
Ab. <i>śúnaḥ</i>	—	<i>náraḥ</i>	<i>n̥bhyaḥ</i>	<i>góḥ</i>	<i>góbhyaḥ</i>	<i>diváh</i> (сот- ни) <i>dyóḥ</i> (2)	—	<i>rāyáh</i>	—
L. —	—	<i>nári</i>	<i>n̥ṣu</i>	<i>gávi</i>	<i>góṣu</i>	<i>diví</i> (104) <i>dyávi</i> (12)	—	—	—
V. —	—	—	<i>náraḥ</i>	—	<i>gāvas</i>	<i>dyauḥ</i>	—	—	—

Гапакс — форма, встретившаяся один раз.

(с номинативом *Ṛ-tōr* и генитивом **R-tér-s*). Таким образом, при всём его своеобразии он не требует реконструкции особой парадигмы с передвижением акцента, противоположным другим именам.

4. Но в некоторых именах наблюдаются отступления от общих правил апофонии и постановки ударения. Так, в ведическом есть имена, по структуре напоминающие корневые, но с неподвижным ударением. Со времён Х. Педерсена их сравнивают с латинскими, что и отражено в таблице.

¹⁰ Грассман ведёт подсчёт до 8-й мандалы.

Таким образом, в индоиранских языках наблюдаются расхождения: ведическая форма генитива-аблатива *náraḥ*, авестийская **n̥rs*: в ведическом обобщён генитив *-(r)as*, в авестийском — **-rs*. У имён на **-ar-*, наоборот: в авестийском имеются колебания: *atarš* ‘огонь’ — род. п. *aqarš* (< **atrs*) и *aqro* (**atras*). И возникает вопрос: какая форма более архаична. Он требует особых исследований: генитив **-rs*, следов которого нет в других языках, может быть и индоиранской инновацией (см. ещё [42, p. 51]).

Рассмотрим теперь, как распределены различные варианты падежных форм в Ригведе.

Можно было бы считать слабые падежи с полной ступенью вокализма инновациями, но они находят соответствие за пределами индоиранских языков. Рефлексы упомянутых имён в итальянских языках тоже отражают полную ступень вокализма в слабых формах: ед. ч. лат. им. п. *diēs* (< **diēus*) — род. п. ст.-лат. *Diovis*, *Diovos*; дат. п. оск. *diuvei*, *iuvei*, *διουφει*, *διοφφι*, *ζωφει*, умбр. *iove*. Таким образом, общеталийское склонение имени можно восстанавливать так:

N. **diēus* > *dies*

G. **diēues*/ **diōuos* (> *Jovis*)

D. **diēuei*/ **diōuei* (> *Jovi*)

A. **diēm* > *diem*.

Законы аналогии разделили некогда единое имя на собственное и нарицательное.

Вокализм в лат. *bovis*, греч. *βοφός* также соответствует индоиранским формам с неподвижным ударением. Ср. также умбр. *bum* ‘bovem’, пофонено совпадающее с вед. *gām*. Однако от того же корня образовано вед. *nāvagva* ‘имеющий 9 коров’. Итак, перед нами общеиндоевропейские слабые формы **diuó/és*/ **dīēus*, возможно, и **g^uóu-s* (**g^u-éh₃u-s*)/ **g^uué/ós*. Какая же может считаться первичной?

4.1. Для ответа на этот вопрос необходимо уточнить, с чем связана подвижность / неподвижность акцента в именах. Бесспорно неподвижно ударение в тематических и *ā*-основах (последние по сути производны от тематических). В основах на *i/u* имеется аблаут, но ударение неподвижно. Основы же на консонантные могут быть классифицированы так: в производных основах ударение неподвижно (греч. *δοτήρ* — *δοτήρως*), когда же первичного имени не сохранилось — ударение подвижно: *πατήρ* — *πατρός*. Интересующие нас имена тоже изначально производны, несмотря на внешнее сходство с корневыми: **diēus* < **dei-* ‘сиять, играть’ (др.-инд. *divyati*), **g^uōus* < **g^ueH-* ‘двигаться’ (с вариантом **g^uem-*), **reHis* < **reH-* ‘давать’ (др.-инд. *rāti*). Именно сходство с корневыми именами привело к развитию подвижной парадигмы. Парадигма производных имён формировалась в относительно поздний период, при ослабления силового компонента ударения. Поэтому в них полностью сохранился количественный аблаут, сформировавшийся в период силового ударения и характеризовавший морфологию каждой словоформы. Особый вопрос — формирование тематического склонения, в основах и флексиях которого ступень корня однотипна. Основы не подвержены морфонологическому чередованию, флексии присоединяются к тематическому гласному.

5. Морфологические особенности, связанные с былой подвижностью силового ударения, вполне очевидны и проявляются во всех атематических именах и глаголах. Для описания этих общих черт автором было предложено понятие *аблаутно-акцентной парадигмы* (ААП), в которой сведены эти общие черты.

Таблица 3. Аблаутно-акцентная парадигма

1. C ^u V ^u C _v -s : C _v C- ^u V _s	Номинатив : Генитив субъекта: др.-инд. <i>kṣām</i> — <i>kṣāmāḥ</i> ‘земля’
2. C ^u V ^u C _v -m : C _v C- ^u V _m	Аккузатив : Генитив объекта: др.-инд. <i>nāram</i> — <i>nṛnām</i> ‘муж’
3. C ^u V ^u C _v -i : C _v C- ^u V _i	Локатив : Датив: др.-инд. <i>kṣāmi</i> — <i>kṣmē</i>
4. C ^u V ^u C _v - : C _v C ^u V ₋ s	Баритонное имя : Окситонное имя (Имя целостного постоянного свойства : имя частного признака, способного к изменению): греч. <i>σκόψ</i> ‘ястреб’ — <i>σκοπός</i> ‘цель’
5. C ^u V ^u C _v - : C _v C ^u V ₋	Глагол внешнего действия : Глагол внутреннего состояния, способности, возможности (по происхождению — несогласованное прилагательное): др.-инд. <i>dōgdhi</i> ‘доить’ — <i>duhé</i> ‘(корова) доится’
6. C ^u V ^u C-t : C _v C-tó	Активный : средний залог глагола (также — имя деятеля : страдательное причастие): др.-инд. <i>śṛṇóti</i> — <i>śṛṇuté</i> ‘слышать’ (также <i>devaśrūt</i> ‘слушающий бога’ — <i>śrutāḥ</i> ‘слышный’)
7. C ^u V ^u C- : CoCe, CeC _u Ce	«Примитив» (древнейшая форма, предтеча презенса и аориста) : перфект (статив): др.-инд. <i>vétti</i> — <i>vide</i> ‘знать’
8. C ^u V ^u C- : CVCV-	Индикатив : Конъюнктив: др.-инд. <i>ásti</i> — <i>ásati</i> ‘быть’
9. C ^u V ^u C- : CVCV-	Атематическая : тематическая глагольная основа: др.-инд. <i>bhárti</i> — <i>bhāratī</i> ‘нести’
10. C ^u V ^u (R)C(V) : C _v (R)C ^u V ₋ ti	Глагол стабильного действия : глагол меняющегося состояния (терминативный): греч. <i>τεύχω</i> ‘строить’ — <i>τυγχάνω</i> ‘случаться’
11. C ^u V ^u (R)C(S) : C _v (R)C ^u V ₋ t	Презенс стабильного действия (часто транзитивный) : аорист «критической точки», т.е. момента изменения положения дел (часто непереходный): греч. <i>τρέφω</i> ‘кормить’ — <i>ἐτρεφον</i> ‘я вырос’

12. $C_v C_v - : C_v C\check{V}-(C)$	Отглагольное имя реального действия : отглагольное имя потенциального действия: др.-инд. <i>dṛśī</i> ‘при виде’ — <i>dṛśe</i> ‘(чтобы) видеть’
13. $C\check{V}C-C(R)C : C_v C-C\check{V}RV-s$	Имя действия : прилагательное долженствования: греч. <i>βρωτός</i> ‘пища’ — <i>βρωτέον</i> ‘чтобы быть съеденным’

(C — согласный, V — гласный, v — редуцированный гласный)

Нетрудно видеть отличия *акцентно-аблаутных парадигм* Эрлангенской школы от предложенной выше. В акцентно-аблаутных парадигмах подчёркиваются различия различных акцентуационных типов; в аблаутно-акцентной парадигме, напротив, сходство.

5.1. Мы критиковали Эрлангенскую школу за слишком большое количество допущений об изменении основ имени по аналогии. Не применимы ли подобные же упрёки к ААП? Ведь согласно ей, следует предполагать в слабых падежах и производных формы типа **b^hrós*, **tmós* и т.д. вместо *φωρός*, *τομός* и т.д. Объясняется это следующим. В «тяжёлых» корнях 0 ступень вокализма в слабых формах — самое обычное явление. В «лёгких» же корнях 0 ступень, не очень удобная фонетически, появляется обычно при присоединении третьей морфемы: *φωρός*, но *δίφρος* ‘повозка’, *παδάη*, но *υράβδαη* ‘шум’. Таким образом, можно сформулировать закон, запрещающей «лёгкий» корень в 0 ступени в двухморфемных именных словоформах. В древнегреческом тематическом аористе возможно появление этого феномена: 2 л. ед. ч. *σῆς* ‘ты взял’, 3 л. *πλέ* ‘он повернул(ся)’. Вероятно, сохранение 0 ступени оказалось возможным благодаря тому, что уже у Гомера значительно чаще встречались формы с аугментом: *ἔσχε*, *ἔπλε*¹¹. В безударной позиции в лёгких корнях *e > o*; затем именно эта ступень стала основной для окситонных дериватов [43, S. 125].

6. В заключение рассмотрим вопрос о словообразовании, осуществляющемся путём изменения ударения и ступеней вокализма морфем слова (корня и суффикса). По аналогии с внутренней флексией (англ. *foot* — *feet*) её именуют *внутренней деривацией*. Её причиной следует считать передвижение акцента. При этом в производных формах оно становится неподвижным и колумнальным

(фиксированным на определённой морфеме). Однако сохраняется аблаут, вызванный передвижением акцента. В одном из наиболее обстоятельных исследований [35] внутренняя деривация связывается с акцентно-аблаутными парадигмами Эрлангенской школы и определяется как переход имени из одной из них в другую. П. Видмер указывает на следующие переходы: 1. Акростатическое имя *ē/ě* → акростатическое имя *o/e*: **uēsu* (гомеровское *ῥῦς* ‘хороший, добрый’, др.-ирл. *fíu* ‘добро’) → **uosu* (др.-ирл. *fó* ‘добро; господин’). 2. Акростатическое имя *o/e* → протеродинамическое имя: **kré/ótus* (др.-инд. *krátus*, род. п. *krátvah/krátoh*, авест. *xraquš*, род. п. *xraquaš/xratəuš*) → **krtús* (греч. *χρατός* ‘сильный’, гот. *hardus*). Передвижение акцента очевидно, но сомнительна трактовка имени **kré/ótus* как акростатического: производное имя с характерной иммобилизацией ударения и «открытой» флексией. См. выше об особенностях таких имён. 3. Протеродинамическое → гистеродинамическое имя. Это характеризует взаимоотношение абстрактных и конкретных имён с сигматической основой: вед. *ápas* ‘дело’ — *apás* ‘деятельный’, греч. *ψεῦδος* ‘обман’ — *ψευδής* ‘лживый’. Однако сомнительно, можно ли эти имена характеризовать как протеро- и гистеродинамические. Скорее они баритонные и окситонные, с колумнальным ударением: корневым (*ápas*) и суффиксальным (*apás*). По-видимому, адъективная форма с суффиксом *-és* легла в основу и родительного падеж сигматических имён, сформировав аблаут *yévos* — *ýeneos*, лат. *genus* — *generis*. Ср.: [12]; [44]. В. Хок [45] полагает, что на сигматические имена оказало влияние склонение имени **kreu_h₂s*, род. п. **kreués* ‘мясо’: в словоизменительной парадигме аблаут должен выравниваться. Однако качественный аблаут в склонении свойствен многим суффиксальным именам: хетт. *uatar* — *uetenas* ‘вода’ (< **uódr* — **udéns*), лат. *homo* — *hominis*, гот. *guma* — *gumins* ‘человек’, лит. *akmuō* — *akmēns* ‘камень’, ст.-слав. *камы* — *камене*. Дело в том, что вследствие закона передвижения акцента направо (о котором ниже) в разные периоды праиндоевропейского языкового состояния образовывались адъективно-атрибутивные формы, которые втягивались в деклинационные парадигмы. Фонетические законы этого времени сформировали аблаут в суффиксах: *-o/é*. В отдельных языках они действительно унифицировались, и литовскому *pietmiō*, *pietēns* соответствует греч. *ποιμήν*, *ποιμένος* ‘пастух’.

Первые суть имена действия, неодушевлённые, абстрактные, существительные, обозначающие основное свойство (качество) предмета. Вторые: имена деятеля/орудия, одушевлённые,

¹¹ Ряд подобных сочетаний звуков рассмотрен в диссертации [46].

прилагательные, обозначающие частные, временные свойства субъекта. Также баритонное имя может обозначать класс, окситонное — принадлежность к нему, подобие, обладание его свойством. Ср. др.-инд. *vṛdh* ‘процветание’ — *vṛdháh* ‘содействующий процветанию’, *śúc* ‘свет’ — *śucá* ‘чистый, ясный’; греч. *φῶρ* ‘вор’ — *φορός* ‘несущий’, *σκοπός* ‘ястреб’ — *σκοπός* ‘стражник; цель’. Оба имени связаны с глаголом *σκέπτομαι* ‘смотреть’; многозначность второго имени нередко приводила в смущение исследователей: почему окситонное имя может обозначать такую абстрактную сущность, как «цель». Но главным в значении этого имени является то, что оно обозначает признаки, появляющиеся и исчезающие во времени. Этим оно и отличается от однокоренного атематического. В таких парах возможна и ретракция (сдвиг влево) ударения. Баритонные тематические имена обозначают, как правило, действие: *φορός* ‘ноша’, *τόμος* ‘разрез’ (*τομός* ‘нож’), *τρόχος* ‘бег’ (*τροχός* ‘колесо’). В отличие от корневых имён, они очень редко выступают как имена одушевлённых сущностей. В качестве исключения можно привести имя *πόρνος* ‘блудница’, основа, производная от назального глагола *πέρνωμι* ‘продавать’.

А. Нуссбаум [47] отмечает большое как формальное, так и семантическое разнообразие окситонных имён, которые могут обладать всеми тремя видами корневого вокализма, обозначать прилагательные и существительные, сущности действующие и претерпевающие воздействие. Нередко одна лексема может иметь различные значения. Например, омонимы *σκοπός* ‘стражник’ и ‘цель’ Нуссбаум трактует как активное и пассивное имя. Это справедливо, однако не следует забывать, что подобные значения часто выражаются именно баритонными именами: *φορός* ‘ноша’ (= то, что несут), *λόγος* ‘слово’ (= то, что говорят). Пассивное прилагательное сохраняет значение конкретного предмета: *δορός* ‘ободранный’. О причине такого развития значений в окситонном *σκοπός* было сказано выше. Вообще, говоря о внутренней деривации, не следует забывать: всякая деривация характеризуется отсутствием чётких значений у словообразовательных способов. Имена, образованные одинаково, могут иметь сильно различающиеся значения.

Аблаутно-акцентные отношения этого рода свойственны и производным именам. Ср. лат. *genus* ‘род’ — *gener* (**genes-os*) ‘зять’ (принадлежащий к роду); упоминавшееся греч. *θήρ* — лат. *ferus*; лит. *žemė* ‘земля’ (греч. *χθών*, др.-инд. *ksām*) — *žėmas* ‘низкий’. В латинском языке противостоят существительные и прилагательные с суффиксом *-tī-*:

у первых ударение на корне, и безударное *-i-* последнего слога выпадает перед *-s*: *pars* ‘часть’ (древняя основа сохранена в наречии, происходящем из аккузатива: *partim* ‘частично’), *fors* ‘случай’; во вторых ударение стояло на последнем слоге, благодаря чему *-i-* сохраняется: *fortis* ‘сильный’, *mitis* ‘мягкий’. Если прилагательное *fortis* одного корня с *fors* — перед нами пара **bhṛtis* (имя действия): **bhṛtis* (прилагательное) при том, что в др.-инд. **bhṛtīh* ‘ноша’ эта оппозиция элиминировалась¹².

Сопоставление существительного и прилагательного на *-i-* наглядно показывает и пути развития внутренней деривации, и формирование различных ступеней качественного аблаута в корне. Греч. *ὄγκρις* ‘угол’ и *ὄγκρις* ‘обрывистый, угловатый’ представляют собой такую же пару, как *τόμος* — *τομός* (**h₂ókri-*: **h₂okrí-*). Эту же основу содержат лат. *ocris* ‘скалистая гора, утёс’, умбрск. *ukar/ocar*, южнопиценск. *okrei*, маррукинск. *ocres* (род. п.). Сабелльское имя, возможно, корневое, латинское содержит суффикс **-ī-*. Вариант же **h₂ek-* представлен в греч. *ἄγκρις* ‘вершина горы’ и многочисленных производных (греч. *ἄκρος* ‘высший’, лат. *acer* ‘острый’ и т.д.) Следовательно, **-h₂ek-* сохранял свой вокализм под ударением, а в безударной позиции преобразовывался в **-h₂ok-*. Затем посредством ретракции акцента от него образовывалось новое баритонное имя.

Противопоставляться могут и ступени вокализма суффиксов: *γνώμων* ‘знаток’ — *γνώμα* ‘знак’. Имена на **-men-/mon-* обозначают деятеля, на **-mṇ-* — действие, а тематизированный вариант **-m(e)no-* образовывал прилагательные: *ἄρμα* ‘повозка’ — *ἄρμενος* ‘слаженный, подготовленный’ (*ἄρμενα* ‘корабельные снасти’). Суффикс **-tṛ-* означает имя действия, **-tor-/*-tér-* — имя деятеля, **-tro-* — прилагательное, имя результата. Ср. хетт. *paprizzi* ‘грешить’ — *papratar* ‘грех’; греч. *θέλω* ‘очаровывать’ — *θέλχαρ* *θέλημα* (Hes.) ‘волшебство’ (< **θελγ-тар*) — *θελκτήρ* ‘волшебник’; *φίτρος* ‘пень, обрубок’ (**bhei-* ‘ударять’). В этой связи отметим, что имена на *-tar-* в хеттском склоняются как гетероклитики: *papratar*: род. п. *paprannas* < **-tnos*. Суффикс **-tno-* образует имя результата: *βάτνος* *αὐλός* *Μεσσηνιοί* (Hes.) ‘трубка, струя (мессенцы)’; вариант *-ter-*, *-tr-* представлен в таких именах, как *βατήρ* *βαίνων* ‘идуший’¹³, *βάτρα* *βάσις* ‘основа’.

¹² Для имени *fortis* предполагается либо корень **bher-* (ср. греч. *φέρτερος*, др.-инд. *bhártara* ‘более сильный’, *φείστος*, *φείτατος*, *bhártama* ‘самый сильный’), либо **dher-* (др.-инд. *dharáyati* ‘держат’, *dhr̥sū*, *dhr̥sñú*, греч. *θρασύς* ‘отважный’, гот. *gadars* ‘осмеливается’).

¹³ Ю.С. Степанов [48, с. 60] заметил, что имена на *-ter-* могли означать не только деятеля, но и орудие, стихийный

Вариант **-t(e)no-* образует прилагательные пассивного долженствования в балто-славянском (подобно суффиксу *-τεφο-* в древнегреческом): *приятъ*, ст.-слав. *прияти* — *приятнь*; лит. *dirbti* ‘работать’ — *dirbtinas* ‘должный быть сделанным’

Эти варианты суффикса, примеры которых можно значительно умножить и греческим, и древнеиндийским материалом, и данными других языков, позволяют сформулировать один из важнейших законов индоевропейской морфологии: закон правостороннего сдвига ударения. Согласно ему, чем правее стояло ударение на словоформе, тем скорее она выражала весь тот сложный комплекс значений, который был выше приписан окситонным формам: именно такие имена обозначали конкретные сущности, одушевлённых персонажей, наконец, превращались в прилагательные¹⁴. Иногда такие прилагательные приобретали модальное значение, превращаясь по сути в герундивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Соссюр Ф. де.* Мемуар о первоначальной системе индоевропейского вокализма // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977. [Saussure, F. de. *Mémoires de linguistique*. Moscow, 1977. (In Russ.)]
2. *van Wijk N.* Der Indogermanische Nominativ in seiner besonderen Beziehung zum Genitiv. Zwölle, 1900. (In German)
3. *Lehmann W.P.* On the earlier stage of Indo-European nominal flexion. *Lingua*, 1958.
4. *Pedersen H.* La cinquième déclinaison de latin. Copenhagen, 1926. (In French)
5. *Études lithuanniques*, Copenhagen, 1933. (In French)
6. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1950. [Benveniste, É. *Indo-européenne* *imennoe slovoobrazovanie* [Indo-European Nominal Word Formation]. Moscow, 1950. (In Russ.)]
7. *Benveniste É.* Noms d'agent et noms d'action. Paris, 1948. (In French)
8. *Kuiper F.B.J.* Notes on Vedic inflection. *Meddeelingen van Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*. 1942, V. 5.
9. *Eichner H.* Die Etymologie von hethitischen *mehur*. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 1971, Hf. 31. (In German)
10. *Schindler J.* Zum hethitischen *neku*. *Zeitschrift zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. 1967. Bd. 80. (In German)
11. *Schindler J.* L'apophonie des noms-racines indo-européens // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1972. V. 67. (In French)
12. *Schindler J.* L'apophonie des thèmes indo-européens *-r/-n-*. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1975. V. 70. (In French)
13. *Narten J.* Zum proterodynamischen Präsens. *Pratidānam: Essays in Honor F.B.J. Kuiper*. Hague, 1968. (In German)
14. *Tichy E.* Einführung in die indogermanische Sprachwissenschaft. 2001. (In German)
15. *Fortson B.* Introduction in Indo-European languages and culture. 2004.
16. *Clackson J.* Introduction in Indo-European Linguistics. Oxford, 2007.
17. *Meier-Brügger M.* Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin: De Gruyter, 2010. (In German)
18. *Герценберг Л.Г.* Краткое введение в индоевропейстику. СПб., 2010. [Herzenberg, L.G. *Kratkoe vvedenie v indoeuropeistiku* [A Brief Introduction to Indo-European Studies]. St. Petersburg, 2010. (In Russ.)]
19. *Beekes R.S.P.* Comparative Indo-European Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011.
20. *Красухин К.Г.* Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005. [Krasuhin, K.G. *Ocherki po rekonstrukcii indoeuropejskogo sintaksisa* [Essays on the Reconstruction of Indo-European Syntax]. Moscow, 2005. (In Russ.)]
21. *Rasmussen J.R.* The Growth of IE Ablaut: Contrastive Accent and Vṛddhi. *Carlene Jones-Bley et al.* (eds.) *Proceedings of the 11th Annual UCLA Indo-European conference*. Washington, 2001.
22. *Kronasser H.* Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1966. (In German)
23. *Miller D.G.* Studies in the form of Genitiv singular in Indo-European: Dissertation PhD. Harvard University. Cambridge, 1967.
24. *Schmitt-Brandt R.* Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems. Heidelberg, 1967. (In German)

действующий процесс: *πίμπρημι* ‘жечь’ — *πρηστήρ* ‘вихрь; смерч, удар молнии’. Общая семантика сиюминутного деятеля развивается и в значение орудия. Ю.С. Степанов отмечает, что имя *πρηστήρ* обозначало по сути устранимый субъект: имя стихии. В высказывании может использоваться и безличное предложение для описания стихийных процессов, затем позиция субъекта заполняется именем стихии: *Веет — Ветер веет*. Для имени в винительном падеже *βιηρα* Гезихий даёт такое толкование: *τὸ ἀκρον τῶν σκάμματος τῶν πενθάτλων, ἀφ' οὗ ἄλλονται τὸ πρῶτον* ‘вершина гимнастического рва на соревнованиях, с которого прыгают вначале’.

¹⁴ В литовском языке все прилагательные относятся без исключения к подвижным парадигмам, даже те, которые соответствуют баритонным прилагательным в греко-арийском ареале: *naūjas* (4) ‘новый’ = *véos, návyas; sānas* (4) ‘старый’ = *ēvos, sānas*. Трудно сказать, какое ударение в этих прилагательных первично. Ср. ведическое наречие *sanād* ‘исстари’.

25. *Kluge F.* Handbuch des Urgermanischen. Heidelberg, 1913. (In German)
26. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1955. [Prokosh, E. *Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov* [Comparative Grammar of Germanic Languages]. Moscow, 1955. (In Russ.)]
27. *Lehmann W.P.* Proto-Indo-European Phonology. Austin; London, 1952.
28. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. 2. [Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov [Comparative Grammar of the Germanic Languages]. Moscow, 1962. Vol. 2. (In Russ.)]
29. *Nagy G.* The Greek dialects as a reflex of Indo-European processes. Cambridge MA, 1971.
30. *Chantraine P.* La formation des noms en Grec ancien. Paris, 1933. (In French)
31. *Buck C.D.* The Greek dialects. Chicago, 1955.
32. *Szemerényi O.* Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European Accent. Napoli, 1964.
33. *Fulk R.* The Origins of Indo-European quantitative ablaut. Innsbruck, 1986.
34. *Borgström K.* Internal reconstruction of Pre-Indo-European // *Word*. 1954. V. 10.
35. *Widmer P.* Das Korn des weiten Feldes. Innsbruck, 2004. (In German)
36. Красухин К.Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004. [Krasuhin, K.G. *Aspekty indoevropskoj rekonstrukcii: Akcentologiya. Morfologiya. Sintaksis* [Aspects of Indo-European Reconstruction: Accentology. Morphology. Syntax]. Moscow, 2004. (In Russ.)]
37. *Vaan M. de.* "Narten" roots from the Avestan point of view. *Per aspera ad asteriscos: Studia indogermanica in honorem Jens Elmgård Rasmussen sexageni Idibus Martibus MMIV*. Ed. A. Hyllested et al. Innsbruck, 2004.
38. *Beekes R.S.P.* The Origins of Indo-European nominal inflection. Innsbruck, 1985.
39. *Tremblay X.* La déclinaison des noms de parenté indo-européens en *-ter*. Innsbruck, 2003. (In French)
40. *Stang Chr.* Indo-européen **g^wōm, *d(i)jēm*. *Stang Chr. Opuscula linguistica*. Oslo, 1970.
41. *Beekes R.S.P.* A Grammar of Gatha-Avestan. Leiden et al., 1988.
42. *Martinez J., Vaan de V.* Introduccion al Avestico. Madrid, 2001.
43. *Kuryłowicz J.* Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1968. Bd. II: Ablaut. Akzent. (In German)
44. *Stüber K.* Die primäre *s*-Stämme des Indogermanischen. Wiesbaden, 2002. (In German)
45. *Hock W.* Interne Rekonstruktion und Akzentparadigma. Indo-European Accent and Ablaut. Ed. G. Keydana et al. Kopenhagen, 2013. (In German)
46. Трофимов А.А. Развитие индоевропейских консонантных сочетаний, содержащих *s*, в греко-армянно-индоиранском ареале: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. [Trofimov, A.A. *Razvitie indoevropskikh konsonantnykh sochetanij, soderzhashchih s, v greko-armyano-indoiranskom areale. Diss. ... kand. filol. nauk* [The Development of Indo-European Consonant Combinations Containing *s* in the Greek-Armenian-Indo-Iranian Area. Diss. ... Candidate of Philology]. Moscow, 2016. (In Russ.)]
47. *Nussbaum A.* Adjectives and other Derivatives of "τόμος-Type". Verbal Adjectives and Participles in Indo-European languages = Adjectifs verbaux et participes en les langues indo-européennes. Ed. C. Le Feuvre et al. Bremen, 2017.
48. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989. [Stepanov, Yu.S. *Indoevropskoe predlozhenie* [Indo-European Sentence]. Moscow, 1989. (In Russ.)]

Дата поступления материала в редакцию: 23 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on October 23, 2023

Revised on December 7, 2023

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024